

И. Забелин

**Домашний быт русского
народа в XVI и XVII**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Забелин**
Домашний быт русского народа в XVI и XVII: Том 2 / И. Забелин – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 803 с.

ISBN 978-5-4241-5719-6

Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.

ISBN 978-5-4241-5719-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I. *Женская личность въ допетровскомъ обществѣ.* Общія черты положенія женской личности въ допетровскомъ обществѣ. Сужденіе Котошихина и сужденія наслѣдователей - идилликовъ. 1—6. — Существо вопроса, 7. — Какое было древнерусское общество. Его идеалы, 8. — Коренное его начало, 10. — Родовой бытъ. 11. — Идиллія семейно-общиннаго быта, 13. — Смысль рода и смыслъ общины, 15. — Родовая идея есть идея родительской воли-ошеки, 27. — Достоинствомъ личности было „отечество“, 31. — Мѣстичество и вѣче суть выраженія древнерусской общественности, 32. — Существенный ея характеръ, 35. — Родовая идея — воспитательница Русской личности. 37. — Домострой — школа личнаго развитія, 37. — Въ чемъ полагалась самостоятельность личности, 54. — Основные черты характера Русской личности: господство воли и дѣйство воли, 55. — Общая характеристика допетровскаго общества, 70. —

ГЛАВА II. *Главные черты женской личности въ допетровское время.* Наянческое время; княгиня Ольга, 72. — Вліяніе византійской культуры, 79. — Постычскій идеаль, 87. — Происхожденіе терема, 90. — Удаленіе женской личности отъ общества, 93. — Идеаль постицы, 100. — Боярыня Морозова, 101. — Царевна Софья и значеніе царскаго дѣвчьяго терема въ концѣ XVII ст., 144. —

ГЛАВА III. *Женская личность въ положеніи царицы.* Особенности условія этого положенія, 184. — Причины, которыми вызваны такія условія, 186. — Государевы браки, 203. — Исторія государевыхъ невѣсть, 218. — Призваніе царицной личности, 260. —

ГЛАВА IV. *Обрядъ царицной жизни комнатной и выходной.* Замкнутость царицна быта, 284. — Повседневное молитвенное правило, 294. — Молитва и милостыня, какъ общая стихія царицной жизни: богомольные выходы и выѣзды, повседневные и годовые, 300. — Приемы праздничные, 340. — Приѣзжія боярыни. 346. — Столы праздничные и семейные, 353. — Особые торжественные приемы, 358. — Приемы повседневные, 364. — Очеркъ комнатной повседневной царицной жизни, 366. — Выѣзды для гулянья, 380. —

ГЛАВА V. *Царицныя дворовыя чины.* Женскій чинъ: мамы и верховныя боярыни, ихъ честь и мѣсто, 386. — Казначей, 396. — Учительницы, кормилицы, псаломщицы, сѣнныя боярышни, 397. — Постельницы и ком-

натныя бабы, 398.—Мастерицы, 399.—Портомои, 400.—Мужской чинъ: приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій, мастерской, 401.—Царицына слобода Кисловка, 410.—Черты жизни и нравовъ младшаго чина дворовыхъ людей по сыскнымъ дѣламъ и челобитнымъ: Дѣло о мышьякѣ, 413.—Приворотный корень обратимъ, 419.—Колдовство на царицынъ слѣдъ, 423.—Посмѣшное слово постельницы, 433.—Умышление испортить царицу Евдокію Лукьяновну, 435.—Похвальба царицынымъ жалованнымъ челобитемъ, 447.—Обманъ въ свадьбѣ царицынымъ жалованнымъ словомъ, 450.—Челобитие на поругательницу жену, 453.—Дѣло комнатной бабки, 454.—Царицыны дѣти боярскіе въ провожатыхъ за боярынею, 456.—Царевнина карлица въ гостяхъ, 457.—Дворцовая пропажа, 460.—

ГЛАВА VI. *Царицыны наряды, уборы и одежда.* Общій обзоръ, 462.—Головной уборъ: Дѣвичій волосной, 478.—Косникъ, 478.—Перевязка, 479.—Въонецъ, 480.—Коруна, 482.—Женскій: подубрусникъ, 483.—Убрусъ, 484.—Волосникъ, 485.—Чѣпець, 486.—Коруна, кика, 487.—Подниязъ, 489.—Рясы, 491.—Шляпа, 492.—Шапка, 494.—Каптуръ, 497.—Треухъ, 499.—Ларечная куанъ, золото и сажень: Монисто, 500.—Ожерелье, 503.—Серьги, 505.—Перстни, 506.—Обручи, запястья, зарукавья, 507.—Булавки, 509.—Косметики, 510.—Фата, 513.—Одежды: сорочки, 513.—Тѣлогрѣя, 516.—Шубка, 517.—Лѣтникъ, 520.—Приволока, 523.—Роспашница, 524.—Опашень, 525.—Кортель, 527.—Торлопъ, 527.—Ожерелье накладное, 528.—Рукавъ, 529.—Рукавки, 530.—Ширинка, 531.—Жезлъ царицынъ, 532.—Обувь: Чулки, 533.—Онучи, 534.—Башмаки, 534.—Ичедыки, 534.—Чеботы, 535.—Сапоги, 535.—Мастерская полата, 536.—Количество уборовъ и одеждъ, 537.—Остатки, 541.—Свѣтлица и ея ручодѣля. Общій обзоръ, 542.—Золотое шитье, 551.—Низанье—сажень, 553.—Знаменщики и знаменныя дѣла, 555.—Боярскія свѣтлицы, 556.—Бѣлая казна и хамовное дѣло, 559.—

МАТЕРІАЛЫ: I. Крестоприводныя записи, 569.—II. Свадебныя прїѣзды къ царю боярь, 572.—III. Розыски государевой казны у бывшей царицы Марьи Петровны Шуйской, 576.—Описи казны, 590.—IV. Царицыны походные расходы, 618.—V. Записки Верховому завосу и кроенье платья, 627.—VI. Денежныя расходы царицыной Мастерской полаты, 690.—VII. Записки товарнаго расхода, издѣльныя и др., 710.—VIII. Записки кроельныхъ книгъ, 720.—IX. Свѣтличныя знаменныя дѣла, 723.—X. Бѣлая Казна, 729.—XI. Переписка дворецкаго и дяковъ, 746.—XII. Бытовые порядки первой императрицы, 766.—

Указатель предметовъ, упоминаемыхъ въ отдѣлѣ Матеріаловъ.

Примѣч. Глава V прежняго изданія отдѣлена во вторую часть Домашняго быта Царей, которая готовится къ печати.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

- I. 1) Царица Марья Ильична шествуетъ въ монастырь къ панихидѣ. На ней убрусь съ волосникомъ или ошивкой, ожерелье жемчужное, ожерелье бобровое, шубка золотная накладная, въ рукахъ жезлъ и ширинка. 2) Сѣнныя боярышни въ тѣлогрѣяхъ. 3) Крайчая Анна Михайловна Вельяминова, на ней убрусь съ волосникомъ, бобровое ожерелье, лѣтникъ съ вошвами, въ рукѣ ширинка. 4) Верховая боярыня, несущая канунъ, кутью. На ней убрусь съ волосникомъ, жемчужное и бобровое ожерелья, шубка накладная. 5) Верховая боярыня въ сопровожденіи. На ней убрусь съ волосникомъ, тѣлогрѣя, въ рукѣ ширинка. 6) Сѣнная боярышня, несущая надъ царицею солночникъ или зонть. На ней тѣлогрѣя. 7) Царица Евдокія кушаетъ во время своей свадьбы въ избушкѣ. На ней вѣнецъ, убрусь, царская шубка—платно. 8) Новобрачные царь съ царицею шествуютъ къ Сѣннику. На царицѣ тотъ же нарядъ. 9 и 10) Боярыни въ каптурахъ, шубкахъ и тѣлогрѣяхъ.
- II. 1) Царица Марья Ил. шествуетъ въ большой праздникъ на богомолье въ церковь. На ней корона, убрусь, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка золотная накладная, въ рукѣ ширинка. 2) Дѣвица, несущая маленькаго царевича. На ней тѣлогрѣя. 3—5) Три старшихъ царевны. На нихъ: вѣнцы, бобровыя ожерелья, золотныя шубки, въ рукахъ у старшей четки, у младшей ширинка. 6) Сѣнныя боярышни, поддерживающія большой солночникъ (балдахинъ). На нихъ тѣлогрѣи. 7—8) Сѣнныя боярышни, въ предшествіи. На нихъ бобровыя ожерелья, тѣлогрѣи, въ рукахъ ширинки. 9—10) Крайчая и верховыя боярыни въ сопровожденіи. На нихъ: убрусы съ волосниками, бобровыя ожерелья, лѣтники съ вошвами, въ рукахъ ширинки. 11) Царица Евдокія царевною шествуетъ къ брачному вѣнцу. На ней: вѣнецъ съ убрусомъ и царская шубка—платно. Боярыни поддерживаютъ ее подъ руки. На нихъ тѣлогрѣи и шубки. 12—13) Царица Евдокія царевною шествуетъ въ Грановитую палату на брачное мѣсто. На ней: корона, тѣлогрѣя, теплая шубка. 14) Боярыня, несущая на блюдѣ кичу. 15) Царица Евдокія въ своихъ хоромахъ, принимающая по случаю брака благословеніе Патріарха и поздравленіе отъ властей и бояръ. На ней: вѣнецъ съ убрусомъ, шубка—платно, въ рукѣ ширинка. 16) Царица Евдокія, входящая въ Успенскій соборъ къ брачному вѣнцу. На ней: кика, убрусь, царская шубка—платно. 17) Боярыни, сидящія за столомъ, въ каптурахъ и тѣлогрѣяхъ.

- III. 1) Убрусь. 2) Жемчужное ожерелье. 3) Царица Евдокія, въ нарядѣ избранной невѣсты — царевны, ожидающая до времени въ своихъ хоромахъ выхода на свадебное мѣсто. На ней: вѣнецъ съ городы, тѣлогрѣя и шубка—платно. 4) Боярыни свахи. 5) Царица Евдокія, нареченная царевною, введена въ царскіе хоромы; на ней: вѣнецъ, тѣлогрѣя и шубка. 6) Дѣвицы боярышни, сопровождающія нареченную царевну. На нихъ: перевязки, тѣлогрѣи и шубки. 7) Нарядъ невѣсты нач. XVII ст.: кика, убрусь, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка—платно.
- IV. 1) Великая княгиня Елена Глинскихъ въ убрусь, ожерельяхъ и въ шубкѣ—платнѣ. 2) Одежда XVI ст.: волосникъ, убрусь, тѣлогрѣя. 3) Боярыни, сопровождающія в. к. Елену въ шляпахъ и убрусахъ. 4) Онѣ же въ убрусахъ. 5) Шествіе великой иноки Марыи Ив. во вдовьемъ старицкомъ нарядѣ. Сопровождающія ее: 6) Женщины: убрусь, распашница, тѣлогрѣя, башмаки. 7) Дѣвицы: шапка, ожерелье жемчужное, верхняя одежда—опашень.
- V. Нарядъ женскій: 1) Шапка, подзатылень, серьги, шубка. 2) Дворянка: шапка, тѣлогрѣя и верхняя одежда—шуба. 3) Шапка, убрусь, серьги, ожерелья жемчужное и бобровое, тѣлогрѣя, чеботы. Нарядъ дѣвичій: 4) Шубка, чеботы. 5) Вѣнецъ, тѣлогрѣя.
- VI. 1) Каптуръ, изъ подъ него видна часть ошивки. 2) Нарядъ дѣвичій: шапка, кика съ рясами, ожерелье, шапка и коса. 3) Убрусь. 4) Шляпа, убрусь, бобровое ожерелье. 5) Боярыня, подчивающая гостей: шапка, жемчужное ожерелье, лѣтникъ съ вошвами, въ рукахъ чарка. 6) Дѣвица въ сорочкѣ съ поясомъ. 7) Женщина въ нарядѣ XVI ст.: волосникъ съ убрусомъ, бобровое ожерелье, шубка, чеботы.
- VII. 1) Ширинка. 2) Зимній нарядъ дѣвицъ дворянокъ: шапка лисья, тѣлогрѣя. 3) Дѣвичья повязка. 4) Нарядъ боярышень, шапка лисья, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка. 5) Дѣвица посадская: шапка изъ медвѣжьяго мѣха, шубка или сарафанъ. 6) Дѣвица въ сорочкѣ верхней и нижней съ поясомъ.
- VIII. 1) Посадская дѣвица въ кикѣ и кафтанѣ. 2) Дѣвичья повязка съ волоснымъ уборомъ въ двѣ косы. 3) Боярыня въ шапкѣ и въ опашнѣ. 4) Дѣвица въ сорочкѣ съ поясомъ. 5) Женщина посадская, въ охобнѣ, покрытая фатой.

Примѣч. Чертежи рисунковъ заимствованы изъ слѣдующихъ изданій: 1) Описаніе свадьбы царя Михаила Фѣдоровича, М. 1810 г.; 2) Рисунки къ путешествію барона Мейерберга, Спб. 1827 г.; 3) Русскія Древности, изд. В. Прохорова и др.

ГЛАВА I.

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ДОПЕТРОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Общія черты положенія женской личности въ допетровскомъ обществѣ.— Сужденіе Котошихина и сужденія изслѣдователей—идилликовъ.—Коренное начало древнерусскаго общества.—Родовой бытъ.—Идиллія семейно-общиннаго быта.—Смысль рода и смыслъ общины.—Родовая идея есть идея родительской воли—опеки.—Достоинствомъ личности было „отечество“.—Мѣстничество и вѣче суть выраженія древнерусской общественности.—Существенный ея характеръ.—Родовая идея—воспитательница Русской личности.—Домострой—школа личнаго развитія.—Въ чемъ полагалась самостоятельность личности.—Основные черты характера Русской личности.—Господарство воли и дѣтство воли.—Общая характеристика допетровскаго общества.

Котошихинъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, рассказываетъ, что когда были московскіе послы на свадьбѣ у Польскаго короля, то правили посольство и подносили свадебные дары отъ царя и отъ царицы особо королю и особо королевѣ. Править посольство значило исполнять его самолично предъ лицомъ потентата. Желая въ той же мѣрѣ отблагодарить Московскаго царя, и Польскій король посылалъ къ царю своихъ пословъ и велѣлъ посольство править и дары подносить отъ себя и отъ королевы, царю и царицѣ, тоже каждому особо, такъ, какъ дѣлали наши послы въ Польшѣ. Этого, конечно, требовало обычное вѣжество, обыкновенный этикетъ во взаимныхъ сношеніяхъ двухъ государей. Но, справивъ посольство и поднеся дары царю, Польскіе послы, *по московскому обычаю*, не были допущены къ царицѣ. „А къ царицѣ посольства править и ее видѣть не допустили, говорятъ Котошихинъ; а отговорилися тѣмъ: назвали царицу больною; а она въ то время была здорова. И слушалъ у пословъ по-

сольства, т. е. обычные рѣчи, и дары за царицу принималъ царь самъ“. Точно тоже случилось съ англійскимъ посломъ, прїѣзжавшимъ къ царю съ дарами по такому же поводу въ 1663 году.

Для чего такъ творять? вопрошаетъ Котошихинъ, желая раскрыть иноземцамъ, для которыхъ онъ писалъ свое сочиненіе, истинныя причины этого обычая, и дѣлая съ этою цѣлью своей достопамятнѣйшій отвѣтъ.

„Для того, отвѣчаетъ онъ, что московскаго государства женскій полъ грамотъ неученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлени и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди, никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ. И потому можно дознаться, отъ чего бѣ имъ быти гораздо разумными и смѣлыми. Также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потомужъ люди видаютъ мало. И только бѣ царь въ то время учинилъ такъ, что польскимъ посломъ велѣлъ бы быти у царицы своей на посольствѣ; а она бы, выслушавъ посольства, собою отвѣта не учинилабъ никакого, и отъ того пришлобъ самому царю въ стыдъ“ ¹⁾.

Настоящій случай, почему царица не вышла принять посольство, Котошихинъ объясняетъ не совсѣмъ вѣрно, ибо править посольство иноземнымъ посламъ прямо предъ лицемъ царицы строго воспрещалъ старо-давній обычай. Послы не могли видѣть царицу не потому, что царь боялся стыда отъ ея несмышленныхъ и стыдливыхъ отговоровъ, а потому, что хоромы царицы были совсѣмъ недоступны не только для иноземныхъ пословъ, но и для своего народа, даже для всего боярства и всего Двора, за исключеніемъ самыхъ близкихъ ей людей, обыкновенно близкихъ ей родственниковъ или самыхъ довѣренныхъ слугъ Двора. Но, не вѣрно объясняя частный случай, Котошихинъ очень вѣрно и вполне обстоятельно изображаетъ вообще положеніе женской личности въ нашемъ старомъ обществѣ, рисуетъ дѣйствительность, надъ постепеннымъ созиданіемъ которой усердно работали цѣлые вѣка и цѣлый рядъ поколѣній. Короткими словами, но очень живо, онъ рисуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристиву самого общества, ибо характеристива женской личности всегда служатъ вполне вѣрнымъ изображеніемъ самого общества. Напрасно мы будемъ отвергать суровую, быть можетъ слишкомъ жесткую правду этого отзыва, приводя въ дока-

¹⁾ Котошихинъ, стр. 44.

зательство нѣкоторыя имена, заявившія своєю жизнію и умственную и нравственную самостоятельность женской личности; напрасно мы будемъ смягчать простую и можетъ быть оттого слишкомъ грубую и рѣзкую силу этихъ неподкупныхъ словъ, указывая на нѣкоторыя идилліи, въ которыхъ выражались, иногда даже очень благодушно. семейныя и общественныя отношенія женской личности и которыя, сказать по правдѣ, въ той красотѣ, кака я имъ приписывается, существуютъ только въ воображеніи добрыхъ защитниковъ всего добраго и нравственнаго по формѣ. Ни одиночное какое либо имя, т. е. личность, которая всегда можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, выдвинуть себя изъ общаго теченія, даже съ особенною славою; ни благодушная кака я либо идиллія, которая точно также *бываетъ*, какъ и все и всегда бываетъ и случается въ человеческой жизни, словомъ сказать: ни какія частныя и потому случайныя явленія не въ состояніи заслонить отъ насъ въ этихъ словахъ настоящей свѣтъ жизненной правды, настоящей свѣтъ дѣйствительной, а не воображаемой жизни. Отзывъ Котошихина, оправдывается не какими либо исключительными одиночными явленіями, а всѣмъ строеніемъ допетровскаго Русскаго быта, общимъ положеніемъ и умоначертаніемъ тогдашней жизни, всею нравственною стихіею общества. Нѣкоторыя историческія явленія, нѣкоторыя юридическія опредѣленія, придававшія женщинѣ самостоятельный смыслъ, не могутъ колебать самой основы старыхъ воззрѣній. Такія личности, какъ напр., Софья Витовтовна—литовка, Софья Ѳомииншна—гречанка, Елена Васильевна Глинская,—тоже иноземка, которыя, какъ извѣстно, пользовались нѣкоторою долею женской свободы, по крайней мѣрѣ иногда принимали лично иноземныхъ пословъ и не прятались въ своихъ хоромахъ, когда обстоятельства требовали ихъ участія въ подобныхъ церемоніяхъ ¹⁾; такія личности, какъ иноземки, ничего не могутъ объяснять въ отношеніи общей характеристики. Нѣкоторая доля самостоятельности принадлежала имъ отчасти потому, что онѣ были *чужія*, что личность ихъ, по ихъ иноземству и по высокому значенію ихъ рода, сама собою уже пріобрѣтала въ глазахъ Рус-

¹⁾ Контарини рассказываетъ между прочимъ, что при его отъѣздѣ изъ Москвы В. К. Иванъ Вас. пожелалъ, чтобъ посольскій представитель В. Княгиня Софья, „что и было мною исполнено съ приличными привѣтствіями и поклонами. Великая княгиня обошлась со мною весьма вѣжливо и ласково и убедительно просила поклониться отъ нея свѣтлѣйшей нашей республикѣ (Венеціанской). Посольскій сего я распростился съ нею и возвратился въ свое жилище“. Подобныя пріемы впоследствии были уже невысказаны.

скаго общества особенное, независимое положеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло равнять ихъ съ *своими*, а потому и освобождало нѣкоторые ихъ поступки отъ привычныхъ ограниченій женскаго быта. Но, воспитанныя въ обычаяхъ, дававшихъ болѣе просторъ женской личности, онѣ, однакожъ, въ московскомъ дворцѣ, должны были жить такъ, какъ повелось изстари, т. е. должны были подчиниться тѣмъ понятіямъ и порядкамъ жизни, какіе повсемѣстно господствовали въ Русской землѣ. А эти понятія почитали весьма *зазорными* всякое обстоятельство, гдѣ женская личность пріобрѣтала какой либо общественный смыслъ. Эти понятія признавали ея свободу и то въ извѣстной мѣрѣ, въ однихъ лишь семейныхъ отношеніяхъ и въ положеніяхъ исключительно семейнаго общежитія. Какъ скоро общежитіе принимало какую либо форму общественности и изъ домашней, семейной сферы переходило въ сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имѣетъ здѣсь своего мѣста, что безъ особеннаго *зазора* въ публичномъ общежитіи она не можетъ становиться рядомъ съ личностью мужчины. Извѣстная выработка идей и представленій въ этомъ направленіи привела вообще къ тому, что женская личность своимъ появленіемъ въ обществѣ нарушала какъ-бы цѣломудріе публичнаго общежитія, не говоря уже о томъ, что собственное ея цѣломудріе при такомъ подвигѣ, въ глазахъ вѣка, погибало окончательно. Одному мужчине исключительно принадлежали интересы общественности. Онъ одинъ обладалъ правомъ жить въ обществѣ, жить общественно. Женщинѣ оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть челоуѣкомъ исключительно домашнимъ, и въ существенномъ смыслѣ быть вмѣстѣ съ домоу и домохадцами только орудіемъ, средствомъ для жизни общественнаго челоуѣка — мужчины.

Въ одномъ только случаѣ самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою, въ томъ случаѣ, когда она становилась главою дома; а это могло произойти лишь при томъ обстоятельстве. когда, по смерти мужа, она оставалась *матерью* вдовою, т. е. вдовою — матерью сыновей. И мы видимъ, что *матеря* вдова въ древнемъ Русскомъ обществѣ играетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мужскую роль; мы видимъ, что типъ этой личности пріобрѣтаетъ сильныя самостоятельныя черты и въ общественной жизни и въ историческихъ событіяхъ, а слѣд. и въ народной поэзіи, въ былинахъ и пѣсняхъ. Она пользуется и значительными юридическими правами.

Но матеря вдова всетаки была явленіемъ случайнымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ исключительнымъ. Личность ея ни какъ не можетъ

служить мѣрою самостоятельности женской личности вообще. Матерая вдова являлась случайнымъ представителемъ дома, семьи, которая стояла уже такъ сказать на материкѣ, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семьѣ именно это значеніе корня. Вдова бездѣтная, у которой не оставалось подъ ногами материка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова по убѣжденію вѣка равнялась въ своемъ значеніи съ сиротою, и въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи вмѣстѣ съ сиротами, убогими, калѣками и пр. и всѣми беззащитными личностями поступала подъ покровительство церкви, причислялась къ людямъ церковнымъ, *богдѣльнымъ*, т. е. къ людямъ, забота объ участи которыхъ была *дѣломъ божьимъ*, потому что не была дѣломъ общественнымъ. Вотъ почему вдова безъ сына почитаетъ себя тоже сиротою. Одно это можетъ уже свидѣтельствовать, что личность женщины не имѣла ни малѣйшей *общественной* самостоятельности и какъ скоро выдѣлялась изъ семьи, гдѣ только и сохраняла извѣстную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельнаго значенія и приравнивалась ко всѣмъ сиротствующимъ, совершенно беззащитнымъ въ общественномъ смыслѣ, такъ что по необходимости переходила подъ опеку церкви, подававшей ей руку вмѣсто общества, которое отрицало въ женскомъ достоинствѣ вслкій смыслъ личности, имѣвшей какія либо общественныя, а не семейныя только домашнія права.

Идиллики исторіи очень серьезно и съ подобающею ученостью, съ ссылками на лѣтописи и другіе источники, съ выписками подлинныхъ текстовъ, доказываютъ, что напр. „красота жены цѣнилась“: Святославъ женить сына Ярополка на плѣнницѣ гречанкѣ „красоты ради лица ея“; Ольга удивляется красотой лица греческаго императора; что „жена имѣла право на часть мужнина имѣнія; что всѣ заботы о дѣтяхъ возлагались на мать; что попеченія и заботы, которыя употребляла мать при воспитаніи дѣтей своихъ, давали ей въ народномъ воззрѣніи неоспоримое право на уваженіе послѣднихъ; что тѣсная связь матери съ дѣтьми не могла не оказывать вліянія на послѣднихъ: характеръ матери явственно отражался и въ дѣтяхъ; что дѣвушку не стѣсняли въ ея дѣйствіяхъ (слѣдуютъ доказательства и подтвержденія о томъ, какъ дѣвицы постригались въ монахини); что дочь дѣвица имѣла участіе во всѣхъ событіяхъ своей семьи; что покидая семью родительскую, при выходѣ замужъ, дѣвушка однако не прерывала связи съ нею; что воспитанная въ общемъ кругу родной семьи, одинаково согрѣтая любовью отца и

матери, русская женщина этого времени (до Монголовъ), являясь женою, стоитъ нравственно на одномъ уровнѣ съ мужемъ. Въ этомъ лежитъ объясненіе тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ между ними. Подружье—названіе жены въ книжномъ языкѣ, ладой зоветъ жена мужа въ языкѣ народномъ. Равна жена мужу въ законѣ: кто убьетъ жену—тотъ же судъ, какъ за мужа. (Здѣсь однакожь законъ, Русская Правда, говоритъ вообще объ убійствѣ женщины, а не о женѣ мужа). Любите жену свою, учить дѣтей хорошей отецъ (Владиміръ Мономахъ, который тотчасъ же и прибавляетъ другое поученье, пропускаемое авторомъ: *но не дайте имъ надъ собою власти*, что собственно значить: властвуйте надъ ними). Жена стоитъ рядомъ съ мужемъ, живетъ съ нимъ одною жизнію, раздѣляя радость и горе, спутствуя ему всюду, участвуя въ самыхъ сокровенныхъ его думяхъ. Мужъ видитъ въ ней лучшаго друга, спутника жизни, по-вѣряетъ ей все; что гдѣ бы ни былъ мужъ, мысль о женѣ не покидаетъ его; что жена была не стѣснена въ своей жизни, могла дѣйствовать свободно доказательства: Верхуслава ведетъ переписку съ епископомъ Симономъ, принимаетъ большое участіе въ монахѣ Паликарѣ, желая устроить его гдѣ либо епископомъ, вотъ и все); что жена могла имѣть свою собственную землю, села; жена независимо отъ мужа могла имѣть свою казну и т. д. ¹⁾

Подобныя идиллическія заключенія носятъ въ сознаніи многихъ изыскателей нашей старины; но въ сущности онѣ обнаруживаютъ только какое-то странное сомнѣніе во всемъ томъ, что составляетъ существо человѣка, будетъ ли онъ мужчина или женщина, и что никогда не подвергалось спору, въ чемъ ни одинъ разсудительный человѣкъ никогда и нигдѣ не могъ сомнѣваться. Всѣ выводы, съ такимъ усердіемъ добытые изъ лѣтописей, житій, грамотъ и т. д., сводятся къ одному, что жена любила мужа, а мужъ любилъ жену; что мать любила дѣтей, а дѣти любили мать; что женщина, какъ членъ семьи, пользовалась семейными правами, пользовалась извѣстными правами какъ человѣкъ вообще и какъ членъ семьи въ особенности. Ктоже могъ когда либо въ этомъ сомнѣваться. Исторія застаётъ древнюю Русь именно на той степени историческаго развитія, когда семья составляетъ единственный и непосредственный узелъ народной жизни, когда семья составляетъ существо,

¹⁾ Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе Александра Добрякова. Спб. 1864. Стр. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62, 69, 77, 78 и мн. др.